

КОНСТ. ЭРБЕРГ О «ВОЛЬФИЛЬСКОМ ЮБИЛЕЕ» И ЮБИЛЯРЕ — Р. В. ИВАНОВЕ-РАЗУМНИКЕ

Публикация В. Г. Белоуса

Петроградское содружество «вольных философов» оказало заметное влияние на культурную жизнь послереволюционной России. Учреждение Вольной Философской Ассоциации, или Вольфилы было связано с инициативой так называемой «скифской» литературной группы, объединившей неонароднически и символистски ориентированную интеллигенцию¹. Оппозиционно настроенная по отношению к официальным властям, хотя и возникшая в 1919 г. «под сенью» ТЕО Наркомпресса, ВФА собирала огромные аудитории до момента своего запрета — в 1924 г. В заседаниях Ассоциации принимали участие такие известные философы, как Э. Радлов, Н. Лосский, Л. Карсавин, С. Аскольдов, Ф. Зелинский, А. Мейер, П. Сорокин, Г. Шпет, здесь читали свои произведения А. Ремизов, О. Форш, С. Есенин, Н. Клюев, Евг. Замятин, вели дискуссии К. Петров-Водкин, В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум и многие другие.

Одним из организаторов и руководителей Вольфилы был Константин Александрович Сюннерберг. Современный посетитель Третьяковки, знакомый с картиной М. Добужинского «Человек в очках», вряд ли разглядит в портрете «сухаря», «застегнутого на все пуговицы» — философа, поставившего в центр своей мысли бунт против общей обязательности социальных и моральных норм. Однако изображенный на этой картине К. А. Сюннерберг (1871—1942) был искусствоведом и поэтом, «мистическим анархистом» и «иннормистом», активным участником культурной жизни Петербурга начала века. Бунтарь и революционер, Конст. Эрберг (таков был его литературный псевдоним) принял события 1917 г. как символ духовных перемен — окончание века господства чужой внешней силы и начало эпохи творчества, приоткрывающей дверь следующей за ней эпохи свободного духа. Именно поэтому он, бесконечно далекий от «социального» дела и, тем более, от его партийно-политических форм, стал одним из инициаторов Вольной Философской Ассоциации². На его квартире проходили первые учредительные собрания Вольфилы, сам Конст. Эрберг был «товарищем председателя» ВФА; он же оставил и два «литературных па-

мятника», посвященных Ассоциации, — поэмы «Вольфила»³ и «Вольфильский Юбилей», последняя из которых представляет собой единственный в своем роде портрет другого духовного бунтаря, *Скифа* — Иванова-Разумника.

Выдающийся историк русской общественной мысли, критик и публицист, главный инициатор Вольной Философской Ассоциации Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова: 1878—1946)⁴ называл себя *Скифом* и в 1917 г. проповедовал духовный максимализм; позже, пройдя испытания многочисленными «тюрьмами и ссылками», он ни разу не дал повод современникам усомниться в твердости собственных мировоззренческих позиций. Вторая мировая война спасла его от уничтожения в советском лагере и провела по немецким лагерям для «перемещенных лиц», завершив жизненный путь *Скифа* кончиной в послевоенном Мюнхене.

«Юбилей», или символические совпадения в датах, приходили к этому человеку с удивительной закономерностью, может быть потому, что подход самого Иванова-Разумника к жизни был опытом активного и ответственного самосознания. Еще в 1902 г. он не без доли самоиронии общал невесте, В. Н. Оттенберг: «Сегодня мне исполнилось уже 25 лет (— подумаешь, как много! —) — и по этому поводу я сегодня весь день философствовал на разные темы: — „Как мало прожито, как много пережито“⁵. Спустя десять лет, обращаясь к жене, он писал: «Вот мы уже и „десятилетний юбилей“ совместной жизни справили, а я все по-прежнему думаю о тебе, как о своей единственной на всю жизнь „Прекрасной Даме“, которую мне посчастливилось встретить на своем пути»⁶.

Тема «юбилеев в литературе» прозвучала у Иванова-Разумника в статье «Русская литература в 1912 году»: «Всякий юбилей, как известно из литературных прописей, есть повод оглянуться на прошлое, — либо на творчество здравствующего юбиляра, либо на минувший век, — и сравнить его с настоящим. И вот эти „либо-либо“ всегда сталкиваются лбами. Чествуя живого юбиляра, его превозносят в речах и статьях, всегда готовы в увлечении стулья ломать, признают его (кто бы он ни был, лишь бы „юбиляр“) подлинным и большим талантом русской литературы. А так как таких юбилеев ежегодно бывает немало, то стало быть — слава Богу! — немало в нашей литературе больших и подлинных талантов! Но подождите: это только до первого большого „векового“ юбилея. Сто лет тому назад, например, родился Гончаров — и, чествуя его память, вчерашние хвалители обращаются в плакальщиц и скорбно сетуют на современный упадок нашей литературы по сравнению с величием прошлого...»⁷

Юбилей — «случайное» совпадение литературы и жизни. Однако, сам человек ведет свою судьбу или же она ведет человека — «как пьяного в участок» (Л. Шестов)? В зрелые годы Иванов-Разумник считал свои занятия историей русской литературы делом «случайным», равно как и редакторскую деятельность в литературных отделах печатных органов партии социалистов-революционеров. Основными темами полагал для себя «со-

циально-философские» вопросы «и всегда высказывал о них вполне определенное суждение (...) с той принципиальной высоты, которую именовал „мировоззрительной“»⁸. Это не было какой-то формой литературного кокетства, скорее — попыткой осмыслить собственную литературную деятельность через категорию «жизни». Жизнь стала центром философствования. Но и сознание жизни оказалось в центре собственной жизни — это ли не судьба, куда бы ни вела человека дорога, именуемая случаем?..

В тридцатилетнюю годовщину со дня свадьбы Р. В. Иванова и В. Н. Ивановой-Оттенберг Иванов-Разумник был арестован, о чем повествует его «Юбилей» (с характерным эпиграфом из Чехова: «Юбилей — это издательство»), написанный в 1934 г. в саратовской ссылке и составившей основу «Тюрем и ссылок»⁹. Там же, в Саратове, ему довелось (в письме к В. Н. Ивановой) обратиться и к другому своему «литературному и житейскому юбилею»:

«2-ое марта здесь я написал не случайно, так как через три дня это число по старому стилю много для нас с тобой значит. Не знаю, поздравлять ли нам взаимно друг друга с двойным нашим юбилеем — рождения сына¹⁰ и выхода в свет в тот же день первой моей статьи в мартовской книге „Русской мысли“¹¹. 30-летний юбилей! Вспоминая и оценивая прошлое — одно скажу: всю свою тридцатилетнюю литературную деятельность и десятки написанных и проредактированных томов я не колеблясь ни минуты отдал бы за счастливый жизненный путь Левы. И еще: нет в мире виноватых, но в то же время каждый виновен за всех и уж конечно — отец за сына. Все это у меня давно переболело, прошло, зарубцевалось (боюсь, что у тебя — нет), даже видеться с ним я больше не желаю, но в то же время очень хотел бы попросить у него прощения за все то, в чем я перед ним виноват. А виноват — конечно, хотя бы неумением выправить на место вывихнутый ум, поставить на рельсы сошедшего с них человека. Но время — необратимо, ничем ничему не поможешь. Да и 30 лет человеку — это не три года и не тринадцать лет, когда еще можно помогать и выпрямлять. Но за прошлое надо быть благодарным; и милый мальчик Лева 1904—1914 года до сих живет в моей памяти; с его-то рождением я тебя и поздравляю, любимая, за что и прошу его простить меня. Надеюсь, впрочем, что он где-нибудь далеко и что вы избавлены от тяжелых посещений. Если это не так — напиши все же.

Грустные эти „тридцатилетние юбилеи“, к счастью, никого, кроме нас не касаются. А помнишь, веселое празднование Вольфилой моего двадцатилетнего „юбилея“? Иных уж нет, а те далече! Тоже грустно»¹².

Чествование Иванова-Разумника друзьями по Ассоциации состоялось 3 марта 1924 г. Это вполне «карнавальное» по своему духу торжество наложило на события в стране и в самой Вольфиле. Полтора месяца тому назад умер Ленин, правящую партию раздирали фракционные склоки, что не мешало надзирающему и карающему оку «Левиафана советской общест-венности» (выражение Иванова-Разумника) особо остро реагировать на инакомыслие, исходившее из внепартийных рядов. Над ВФА уже сгуща-

лись тучи, хотя люди, праздновавшие «свой» юбилей, еще не подозревали, что спустя два месяца Вольфила будет закрыта, точнее, не будет зарегистрирована в числе разрешенных общественных организаций, ибо, как отметит позднее Большая советская энциклопедия, «Вольная Философская Ассоциация объединяла философов и поэтов различных течений, но решающее большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»¹³.

Тогда, в 1924-м, вольфильцы, конечно же, не могли знать, что десятилетия спустя эти идеологические оценки станут политическими обвинениями, в соответствии с которыми многие из них будут разбросаны по бесконечным пространствам «архипелага ГУЛАГ», превратившись в тюремную и лагерную пыль; другим же Левиафан милостиво разрешит «тихо» уйти в небытие, с единственным условием — не вспоминать. Однако, нет ничего более сопротивляющегося времени и распаду, чем человеческая память, ведомая свободой. Поэма Конст. Эрберга «Вольфильский Юбилей» оказалась своеобразным прощанием с Вольфилой. В финальных репликах ее героев отразилось предчувствие близящихся перемен: общее течение полноценной вольной мысли с неотвратимой неизбежностью превращалось в сотни мелеющих и высыхающих ручейков.

Публикуемый здесь текст «Вольфильского Юбилея» воспроизводится по автографу, извлеченному из четвертой «Тетради припоминаний», сохранившейся в архиве К. А. Сюннерберга (ИРЛИ, Ф. 474, № 48. Л. 44 об. —49).

¹ См.: Белоус В. Г. Конст. Эрберг: Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919—1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997; Иванова Е. В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3—77.

² См.: Белоус В. Г. Конст. Эрберг: философ-«иннормист» (к портретам «вольфильцев») // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 101—105; Заблочкая А. Е. Конст. Эрберг в научно-теоретической секции ТЕО Наркомпроса (1918—1919) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 389—403.

³ См.: Эрберг Конст. Вольфила / Публ. В. Г. Белоуса // Литературное обозрение. 1995. № 4. С. 205—211.

⁴ См.: Белоус В. Г., Петрицкий В. А. Вольная Философская Ассоциация («Вольфила») и ее организатор Р. В. Иванов-Разумник // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. Вып. 4 (162). СПб., 1996. С. 134—142; а также: Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник материалов международной конференции. Царское Село. 16—17 марта 1996 г. / Ред.-сост. В. Г. Белоус. СПб., 1996; Белоус В. Г. «Скифское», или Трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. 1991. № 10. С. 158—166; Белоус В. Г. Испытание духовным максимализмом. О мировоззрении и судьбе Р. В. Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 25—37.

⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 131.

⁷ *Иванов-Разумник*. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. СПб., 1922. С. 14—15.

⁸ *Иванов-Разумник*. Тюремьы и ссылки / Публ. В. Г. Белоуса // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 274.

⁹ См.: *Иванов-Разумник*. Тюремьы и ссылки («По тюрьмам на родине») / Публ. В. Г. Белоуса // Мера. 1994. № 2. С. 152—210.

¹⁰ Иванов Лев Разумникович (1904—1938) — сын Р. В. Иванова и В. Н. Ивановой. По свидетельству А. З. Штейнберга, Л. Р. Иванов в начале 1920-х гг. сошелся с уголовной средой и находился в заключении, после чего «оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии» (см.: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. (1911—1928). Париж, 1991. С. 108—110). Последняя информация не подтверждалась дочерью Иванова-Разумника — И. Р. Ивановой (1908—1996).

¹¹ См.: *Иванов-Разумник*. Н. К. Михайловский (Центральный пункт его мировоззрения) // Русская мысль. 1904. № 3. С. 156—163.

¹² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 200. Л. 17—17об.

¹³ Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929. С. 48.

Конст. Эрберг

ВОЛЬФИЛЬСКИЙ ЮБИЛЕЙ

поэма

(Посвящается Иванову-Разумнику)

Da chi mi fido guardi mi Dio,

Da chi non mi fido mi guardero Lo*.

Глава первая

1

Так как много мудрых и смелых
Наш Разумник дел понаделал
За последние двадцать лет,
То достоин он юбилея.
Надо ехать к нему поскорее. —
Так решил Вольфильский совет¹.

---

* От того, кому я верю, сохрани меня Господь,
От того, кому не верю, сам себя я сохраню (*итал.*).

Сели, поехали.
 Ехали, — приехали.
 Ну, не потеха ли:
 Вольфильский юбиляр!
 Нет, не желаем мы!
 Лучше залаем мы,
 Лучше завоюем мы,
 Лучше уж устроим мы
 Разумнику пожар!

Так и решили.
 Но с прошлого года
 (Не тем помянут буди)
 Пошли у нас в Вольфиле
 Почтенные люди²
 (В семье не без урода).
 Итак пожар отпал,
 Постановили:
 Устроить лишь скандал.

Глава вторая

Постояли на крыльце
 И вошли в переднюю
 С выраженьем на лице —
 Как перед обеднею.
 Неприятно удивлен,
 Но любезен с виду,
 Вышел к ним Вольфилемон
 (Позади — Бавкида³).
 — Что такое? — Ничего:
 Юбилярь пришли мы
 Вас и Ваше творчество.
 Мы неумолимы. —

Бледный Разумник духом не пал
 От предстоящих событий
 И, юбилейный чуя скандал,
 Только вздохнул и глухо сказал:
 — Ваша взяла! Входите.

Выступает Эрберг первым.
 Чтоб подействовать на нервы
 Юбиляру,
 Он читает по бумажке
 Прегнусаво и с растяжкой
 Как с угару.
 А Гизетти⁴ деревяшкой
 По пустому самовару
 Бьет фанфару.

Глава третья

Маститому Разумнику Васильичу Иванову,
 Маститому Иванову-Разумнику Васильичу,
 Маститому Васильичу Разумнику.. и прочая,
 И прочая, и прочая (не знаю как короче я),
 Маститому и спереди и сзади и с середки,
 За то, что он такой по имени короткий,
 За то, что по делам он длинный и широкий, —
 Вольфила шлет свои чувствительные строки:

«Разумник целый век трудился».

Из песни.

Уж двадцать лет ты пишешь книги.
 И много книг понаписал.
 Вот и носи теперь вериги,
 Вот и влезай на пьедестал.

Вина-то, правда, не большая.
Что книги? — Право чепуха:
Всяк пишет то, чего не знает,
И все ведь мы не без греха?

А вот за то, что юбилеи
Исподтишка чинил друзьям,
За то тебя не пожалеем:
Лезь в юбилей, голубчик, сам.

Кадила здесь раздует тупость.
Чуть торжеством ее затронь, —
Из уст польется благоглупость,
А из камильниц — благовонь.

9

Стоит Разумник безответен.
Вторым приветствует Гизетти:
— Сологуба⁵ юбилять
Ты меня подгуськал
Так, что Федор слег в кровать.
Вот теперь примусь-ка
За тебя, за самого,
И тебя облаю.
Не робей, брат, ничего:
И не то бывает.
Знаю я народ. И вот —
У него болит живот... —

Пинес⁶ прерывает:

10

Мы тебя огреем
Пышным юбилеем,
Ухнем торжеством,
Славу разнесем.
Чтобы слава не подмокла —
Эй Вольфильцы, — бейте стекла!
Эй, сходишь народ!
Вот Разумник! вот!

Глава четвертая

11

Тем временем праздный народ давно
По Колпинской⁷ занял проходы.
Известно, — народ — что природа:
Гони его в дверь, — влезет в окно,
Особенно ежели где юбилей
Или, там, кража со взломом.
Вот так и тогда народ-ротозей
Наполнил все щели дома.
Под грохот оркестра (отколь взялся?)
Разумник провел четыре часа
Подряд в юбилейном содоме.

12

— Виват, Разумник-юбиляр!
Гремите трубы, барабаны,
Глядите все, и млад, и стар, —
Вот он Разумник, вот Иванов!
— Где, где? В высоких сапогах?
— Да, — Это форма: он народник⁸
— А ромбы есть на рукавах?
— Как интересен он сегодня!
— Все пустяки: Разумник — скиф⁹
Он сапоги по-скифски носит,
И вообще как скиф спесив:
Служить не станет в Наркомпросе.
— Он к юбилею, говорят,
Вчера купил себе подтяжки...
— Ура Разумнику! Виват!
Качай его! Хватай за ляшки! —

13

— Да что вы, братцы! Бросьте шутки!
Я постараюсь быть глупей,
Коль слишком был для вас разумник... —
— Ну нет! Пляши по нашей дудке:
Уж юбилей, так юбилей, —

Сказал тут Эрберг однодумный:
Качал других — летай, брат, сам! —
И началась над ним расправа.
И полетел он к небесам,
А рядом с ним летела Слава.

Глава пятая

14

Народ устал, народ вспотел
От юбилейных этих дел
И по домам идет. Вольфильцы
От пуха очищают рыльца.
Но Векслер¹⁰ с Виссель¹¹ на скандал
Поставить точку пожелали:
— Теперь умеешь ты летать,
Вольфильский хитрый командир наш.
Тебе кричим мы — исполать!
Теперь прославлен ты всемирно.

15

А что слегка помяли
Когда тебя качали, —
Сам виноват: к чему
Писал ты книжек тьму
И рыл своим друзьям
Так много юбильям.
А впрочем, всё забыто
И в душу не запало.
— Да будет вам грешить-то! —
Сказал Евгений Палыч¹²:

16

Вы что к нему пристали?
Ведь даже и скандалить
Христос велел по-Божьему.
Не гоже это, дети,
Смотрите, он ответить
Нам хочет: не втерпеж ему.

Глава шестая

17

И вот Разумник говорит.
— Ну да конечно же мастит.
Ну да конечно же писатель
(Всё это в скобках). Впрочем кстати:
Такой ли у маститых вид?

И ростом мал, и телом хрупок,
А кудри — так, — одна печаль.
Меня считать маститым глупо,
Да и писатель я едва ль.

Взгляни в чернильницу пустую,
Перо давно уж заперто.
Да потому уж не пишу я,
Что не печатает никто^{13!}

Живу себе я с краю, в хате,
Все это ясно говорит,
Что никакой я не писатель
И что ничуть я не мастит

18

Вот, что касается друзей,
Так здесь попутал сам нечистый.
Здесь, каюсь, грешен: лил елей,
А выходило водянисто.
Вперед закаюсь лет на триста, —
Порукой в том мой юбилей.

А впрочем... Десять лет прошло, как
Скончался деверь тетки Блока... —

19

— Нет! Не могу! Качать его!
Возобновляйте торжество! —
Вскричал тут Эрберг как безумный.
— Я пошутил! — сказал Разумник,
Но в сторону: — Вольфилой все-таки
Почтен быть должен деверь тетки! —

Глава седьмая

20

Юбилейная ф́ольга слиняла,
Юбилейный вынесен сор,
И Вольфильцы за чаем устало
Свой домашний ведут разговор:

— Вольфила погибла: я еду в Берлин, —
Dohin, wo blühh die Aronen*¹⁴
Разумник! Останетесь Вы здесь один
Со славою, но без вороны. —

— Ох, тяжка вороне путь-дорожка.
До Берлина не доедет, нет:
Или деньги выкинет в окошко,
Иль за завтраком сжует билет. —

21

— Где билеты наши, кстати?
Как бы нам не опоздать: и —
Дти-то ведь кусок не малый! —
— Надо этак расчитать,
Чтобы мы, придя к вокзалу,
Опоздали опоздать. —

22

Ты наш милый, наш маститый!
Нас за все, за все прости ты!.. —
(Тáк в жилетку плачет Пинес).
— Пинес! Ты не утопи нас!
— И Разумник так размякнет,
Что, пожалуй, правду брякнет! —

23

Ну гони нас, Разумник, в три шеи.
Да не снятся тебе юбилеи.
Видь во сне ты не дрянь и не гниль:
Видь во сне — одну лишь вольфиль.

---

* Род фиги (*прим. авт.*). Туда, где цветут Ароны (*нем.*).

Глава восьмая

24

В передней, толкаясь, калоши давили,
Соседу влезали в пальтошный рукав,
И, соблюдая Вольфильский устав,
Затеяли спор о Вольфиле.

Виссель —   Хоть ты, Разумник, и мастит
После того, что было, —
Вольфила все ж тебе простит.
Разумник! Верь в Вольфилу! —

25

Евг. Иванов —   Разумник! верь в мою Вольфилу.
Моя Вольфила — во Христе,
А у товарищей, мой милый,
Вольфилы уж не те. —
Эрб. —   В свою Вольфилу верь чрез силу.
Своя Вольфила — это... во!
Пусть будет так у всех. Вольфила
Лишь путь: ничуть не божество.

26

Евг. Ив. и Эрб. — — Куда же путь-то? — Куда кто хочет!
И этот крайний путь — в борьбе... —
— Последний поезд отходит ночью? —
Эрб.   — Вольфильский поезд идет средь ночи, —
В нем едет каждый из нас — к себе —

Послесловие

Так в двадцать четвертом году мы дурили, —
Тот год был чреват юбилеями.

Товарищи! Мы ведь в Вольфиле!

Умеем мы

Ценить и любить человека большого —
Разумника нашего милого

Такого нам всем дорогого, такого...

Вольфилого!

1—9 марта 1924

¹ Членами Совета Вольной Философской Ассоциации в 1924 г. были Конст. Эрберг, Е. П. Иванов, Д. М. Пинес, А. А. Гизетти и сам «юбиляр» — Иванов-Разумник.

² О ситуации в Вольной Философской Ассоциации после отъезда Андрея Белого в октябре 1921 г. за границу см.: Р. В. Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921—1923 гг. / Публ. Я. В. Леонтьева // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 69—77.

³ Вольфилемон, Бавкида — намек на персонажей античной мифологии Филемона и Бавкиду, благочестивую супружескую чету. Жена Иванова-Разумника — Иванова Варвара Николаевна (урожд. Оттенберг: 1880—1946).

⁴ Гизетти Александр Алексеевич (1888—1938) — социалист-революционер, депутат Учредительного Собрания, литературный критик, переводчик, публицист. Критиковал «скифство» Иванова-Разумника в статье: «Стихия и творчество. (Русская литература перед лицом революции)» (Мысль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 226—248). В 1924 г. арестован и сослан в Туркестан. Привлечен к «делу» Иванова-Разумника (1933 г.) из ссылки.

⁵ Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников: 1863—1927) — поэт, прозаик. В 1920-е гг. семьи Иванов-Разумник и Ф. Сологуб были соседями в доме по Колпинской, 20 в Детском Селе. (см.: *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951, С. 13—19). Сорокалетний юбилей литературной деятельности Федора Сологуба, главным инициатором празднования которого был Иванов-Разумник, отмечался Ленинградским отделением Всероссийского союза писателей 11 февраля 1924 г.

⁶ Пинес Дмитрий Михайлович (1891—1937) — историк литературы, библиограф, ученый секретарь Вольфилы (1922—1924). Арестован и репрессирован по «делу» Иванова-Разумника 1933 г. (см.: DE PROFUNDIS. (Письма Д. М. Пинеса к А. Н. Римскому-Корсакову) / Публ. М. Д. Эльзона // Историко-Библиографические исследования. Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб., 1994. С. 129—157).

⁷ Иванов-Разумник жил в Царском Селе (в 1920-е гг. — Детское Село) с 1907 по 1929 гг. по адресу: Колпинская, 20.

⁸ Ср.: «В течение всей своей творческой жизни я являлся идеологом народничества, что выражено во всех моих литературных трудах» (*Иванов-Разумник.* Тюремь и ссылки / Публ. В. Г. Белоуса // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 271).

⁹ Впервые Иванов-Разумник подписался псевдонимом «Скиф» под статьей «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованной в «Заветах» (1912, № 6). Примечательно, что этот же псевдоним Иванов-Разумник использовал 18 июня 1941 г. — в одном из писем, адресованных ленинградской писательнице Л. Л. Слонимской (см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника Л. Л. Слонимской / Публ. и примеч. В. Г. Белоуса // Звезда. 1996. № 3. С. 112).

¹⁰ Векслер Александра Лазаревна (1901—?) — заведующая канцелярией Вольфилы; в 1924 г. выехала в Берлин (см.: Новый журнал, 1965. Кн. 83. С. 183). Автор критической статьи о творчестве А. Белого, в основу которой легли ее выступления в ВФА (см.: *Векслер А.* «Эпопея» А. Белого. (Опыт комментария) // Современная литература. Л., 1925. С. 48—75).

¹¹ Виссель Екатерина Юстусовна — слушательница Вольфилы.

¹² Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — публицист, член Петербургского религиозно-философского общества, в Вольфиле с 1923 г. Об отношении Иванова-Разумника и Е. П. Иванова см.: К творческой истории стихотворения Блока «Перед судом» (Из переписки Р. В. Иванова-Разумника и Е. П. Иванова) / Публ. Н. В. Скворцовой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. М., 1987. С. 647—657.

¹³ В этом же 1924 г. в издательстве «Колос» вышла последняя «душевная» книга Иванова-Разумника, посвященная А. Блоку и А. Белому — «Вершины». После того как «Вершины» увидели свет, на работы Иванова-Разумника вышел негласный запрет: цензура получила указание не пропускать это имя на страницы печати.

¹⁴ Намек на Аарона Захаровича Штейнберга (1891—1975) — ученого секретаря ВФА, который в ноябре 1922 г. эмигрировал в Германию. Истории Вольфилы посвящены его мемуары. См.: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911—1928). Париж, 1991. См. также: *Штейнберг А. З.* Достоевский как философ / Публ. В. Г. Белоуса // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 184—195; *Штейнберг А. З.* Программа курса лекций по «Истории эстетических учений» / Предисл. и публ. В. Г. Белоуса // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 151—157.